

УДК 1(091)(470):2

МЕСТО РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ИСТОРИОСОФСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО И Л.Н. ГУМИЛЕВА

П.П. Шитихин

*Нижегородский государственный педагогический университет,
Нижний Новгород*

В статье рассматриваются оценки «неославянофилом» Н.Я. Данилевским и «неоевразийцем» Л.Н. Гумилевым роли религиозного фактора в развитии и взаимодействии цивилизаций. Оба российских мыслителя отмечают взаимное влияние характеров народов и их верований: не только вера преобразует этнос, но и люди зачастую переосмысливают религиозные установки исходя из собственных преобладающих духовных интересов.

Ключевые слова: цивилизация, религия, Россия, Европа, католичество, православие.

The Role of the Religious Factor in the Historiosophic Models of N.Ya. Danilevsky and L.N. Gumilev Pavel Shitihin

The article describes how the neo-Slavophile N.Ya. Danilevsky and the neo-Eurasian L.N. Gumilev evaluated the role of the religious factor in the development and interaction of civilizations. Both Russian thinkers marked the mutual influence of the peoples' character and beliefs: along with religious faith transforming the ethnos, people often rethink their religious foundations based on their own prevailing spiritual interests.

Key words: civilization, religion, Russia, Europe, Catholicism, Orthodox Christianity.

Каждая цивилизация имеет в своей основе определенный набор ценностей, выстраивающих образ ее существования в мире, ее поведение. Одним из основных способов самоидентификации как каждого человека, так и целого социума является соотнесение себя с тем или иным типом религиозности. Религиозная вера, безусловно, накладывает сильный отпечаток на людей, ее исповедующих, но при этом нельзя не заметить, что одна и та же религиозная установка может значительно преломляться в сознании и восприятии индивидов и обществ. В православной России и католическо-протестантской Европе существовали различные, порой прямо противоположные ментальные доминанты, несмотря на то, что в этих обществах высшей ценностью провозглашалось одно и то же Евангелие. Встает вопрос:

определяет ли религиозная вера народный характер или сама трансформируется под его воздействием?

В настоящей статье мы рассмотрим взгляды на данную проблему Н.Я. Данилевского (1822-1885) и Л.Н. Гумилева (1912-1992), внесших значимый и ценный вклад в развитие русской историософии. Данилевского обычно характеризуют как продолжателя славянофильской традиции или ее преобразователя – неославянофила. Усилиями же Л.Н. Гумилева в начале 90-х гг. XX в. произошла реанимация евразийства. Н.Я. Данилевского, стоявшего у истоков оригинального учения о культурно-исторических типах как основных действующих единицах мировой истории, часто считают предшественником теории этногенеза Л.Н. Гумилева (через К.Н. Леонтьева и евразийцев). Двух наших мыслителей многое объединяло: оба выходили в сферу историософии из естественных наук, оба были сознательными православными христианами, оба отстаивали принцип самоценности цивилизаций (культурно-исторических типов, суперэтносов).

Академик К.Н. Бестужев-Рюмин в 1889г. отмечал, что Н.Я. Данилевский, внося в историческую науку метод и объективность естествознания, в то же время «далеко не чужд богословских вопросов, которые кажутся людям поверхностным столь далекими от действительности и, пожалуй, уже совершенно отжившими. Не такими они казались Данилевскому: он клал их в основу своей теории...» [1. С. 435] При исследовании общественных структур и взаимосвязей во главу угла русский мыслитель ставил религиозную деятельность, в процессе которой формируется «понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной». Религия составляет «живую основу всей нравственной деятельности» [7. С. 566] и во многом определяет развитие и особенности того или иного культурно-исторического типа. Л.Н. Гумилев также считает, что в результате реализации вырабатываемой религиозной верой системы норм и ценностей у каждого этноса формируется свой стереотип поведения, отличающийся от стереотипов поведения, присущих другим этносам.

Оба мыслителя постоянно указывали на отрицательную комплиментарность, изначально сложившуюся между католической (а затем и протестантской) Западной Европой и православной

Россией, и стремились развенчать европоцентристские теории, базировавшиеся на идее культурного, политического и экономического превосходства европейцев над остальными народами. Данилевский отмечал, что отрицание Западом России основано не только на этнографических особенностях и особенностях исторического воспитания, но и на разном воплощении в культуре и историческом творчестве идеалов христианства. Католицизм появился, по Данилевскому, вследствие насильственности германо-романского культурно-исторического типа: свойства нетерпимости и насильственности западное христианство не могло ниоткуда заимствовать, кроме как из характера народов, его исповедующих [7. С. 217]. Насильственность, ставшая определяющей чертой в истории Запада, считает Данилевский, «есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей... необходимо должен ему уступить... как неравноправный ему» [7. С. 217].

Данилевский приводит многочисленные примеры проявления этой насильственности в истории германо-романских народов: распространение христианства огнем и мечом, массовые казни еретиков, жестокую колониальную политику, в ходе которой уничтожались целые племена и народы. «Все это мы видим совершаемым... не как сознательно-лицемерное или бессознательно-грубое отступление от христианского идеала, - а как нечто якобы логически вытекающее из этого идеала, и притом, и это главное, совершаемое и проповедываемое теми, кто считал себя поставленным хранить Святую Святых и непогрешимо истолковывать ее истины и тайны, то есть самую римско-католическую церковь» [6. С. 642].

Л.Н. Гумилев отмечал, что хотя официальной датой раскола единого христианства был 1054 г., вражду православных и католиков следует искать в сфере не теологии, а этнопсихологии. Вероучительные установки не играют первой роли в становлении своеобразия этносов, поскольку простые верующие в них до конца не разбираются. Основное вероучительное различие православия и католичества – католический догмат о *filioque* (исхождение Духа Святого «и от Сына»), - считает Гумилев, вряд ли тревожило широкие круги верующих. «Церковь, как чуткий барометр, среагировала на

процесс этнического и суперэтнического расхождения Запада и Востока, но население там и тут... с присущей обывателям инертностью мышления долгое время не могло понять, что единое христианство перестало существовать» [2. С. 86-87]. Подлинную остроту и трагизм отношения православных и католиков приобретают после полного осознания и Востоком, и Западом всей совокупности не только идейных, но и политических и социально-экономических различий. Византийский суперэтнос к XII в. уже переживает свою «золотую осень», существуя лишь за счет ранее накопленных традиций и приобретений. Былой пассионарности в нем нет, и этим пользуются европейцы: в 1204 г. рыцари католической Европы вместо того, чтобы освободить от мусульман Иерусалим, разгромили Константинополь. Спустя почти сорок лет шведы и немцы то же самое попытались проделать с Северо-западной Русью. Оба этих события – 1204 и 1242 годов – оставили глубокий след в коллективной памяти целых наций.

Приводя эти примеры наши мыслители показывают, что общая религия не обязательно скрепляет. Романо-германская католическая Европа в XIII в. считала православные страны – Византию, Болгарию и Россию – противником ничуть не меньшим, а может и большим, чем мусульман и язычников. «Чтобы оправдать четвертый крестовый поход, - пишет Л.Н. Гумилев, - говорили даже, что православные такие еретики, что от них самого Бога тошнит. Значит, они воевали не за веру, а вследствие отрицательной комплиментарности двух суперэтнических систем» [4. С. 24]. Хотя и тут, и там вера была христианская, но суперэтносы – разные.

Византийцы хорошо знали насильственный характер германороманского типа, не ограничивавшегося простым подчинением других народов, а старавшегося искоренить у последних чувство национального самосознания. Поэтому, как считает Данилевский, «дряхлая Византия... предпочла политическую смерть и все ужасы варварского нашествия измене веры, ценою которой предлагалось спасение» [5. С. 672]. Русский мыслитель отметил «ту бессознательную услугу», которую магометанство «оказало православию и славянству, оградив первое от напора латинства, спасши второе от поглощения его романо-германством в то время, когда прямые и естественные защитники их лежали на одре

дряхлости или в пеленках детства» [7. С. 380]. Те же причины, что побудили русскую церковь оценить подвиг св. Александра Невского, побудили и константинопольского патриарха Анфимия в начале греческого восстания сказать: «Провидение избрало владычество Османов для замещения поколебавшейся в православии Византийской империи... как защиту против западной ереси» [7. С. 380]. «Представим себе, - продолжает рассуждать Н. Данилевский, - что Иерусалим и все святые места присоединены усилиями крестоносцев к духовным владениям пап... Что случилось бы с православием? Славяне Балканского полуострова не подверглись бы той же участи, которая сделалась уделом славян, подпавших под владычество Германии? Уния, постигшая русский народ под владычеством Польши... не составляет ли указания на участь, предстоящую православным народам, если бы османская гроза не заставила Европу трепетать за собственную судьбу?» [7. С. 381] Данилевский уверен, что «Запад никогда из-за горделивого пренебрежения к Востоку не решится признать, что Божественная истина столько лет охранялась отсталым и презренным Востоком» [5. С. 671].

Как Данилевский, так и Гумилев указывали на то, что отличия католицизма от православия находятся, прежде всего, в сфере экклесиологии. В западном христианстве восторжествовал принцип главенства римского первосвященника, причем не только в сфере религиозной, но и в чисто гражданском, светском отношении. Светские государи в средневековом Риме считались вассалами пап, усваивавших себе тогда право не только короновать императоров и королей, но и лишать их престолов. От пап во многом зависело, каково будет законодательство в католических странах. Тем самым руководители духовной жизни европейских народов сами явились носителями насильственного настроения. «Причина догматической разницы между Церквями западную и восточную, - пишет Данилевский, - не имеет иного источника, кроме невежества, господствовавшего на Западе в первые века средней истории, и той насильственности характера, которая составляет основу всякого деспотизма, - насильственности, считающей, что личное частное мнение достаточно освящается и утверждается тем, что оно есть наше мнение» [7. С. 219]. Л.Н. Гумилев указывает еще на одну причину

выработки насильственного характера католицизма – акцент на разуме как главном инструменте познания. Согласовать собственное мнение с мнением соседей, да еще и при постоянном притоке новой информации, возможно было только посредством участия в постоянных войнах [3. С. 295-296].

Церковный деспотизм «в соединении с деспотизмом феодальным, коренившимся в насильственности германского характера, и с деспотизмом схоластики» привели к тому, что история Европы стала проникнута постоянной борьбой: религиозной (протестантизм), антирелигиозной (материализм) и социально-политической (борьба партий и классов) [7. С. 575]. После того, как религиозные вопросы отодвинулись в Европе на задний план, насильственность нашла себе применение в экономических интересах: алчность европейских купцов была причиной уничтожения и обращения в рабство целых народов. С началом политической свободы в Европе ведутся войны «ради братства», происходят массовые казни. Русский человек от таких фактов западной истории «ошалеваает, становится в тупик»: «до такой степени кажется ему это диким, непонятным, немыслимым, не вмещающимся в его сердце и ум, точно как если бы дело шло о происходящем на другой планете, а не у нас на земле» [6. С. 643-644].

Таким образом, и Данилевский, и Гумилев уверены, что враждебность Европы к России и всему славянскому миру основывается на несовместимости двух культурно-исторических типов (суперэтносов – по терминологии Гумилева) из-за их сущностных и возрастных различий. Славянский культурно-исторический тип моложе европейского на четыреста лет. Россия «не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, - не питалась и теми корнями, которые черпали пищу из глубины германского духа» [7. С. 75]. Поэтому «ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой» [7. С. 76].

Оба рассматриваемых нами русских мыслителя на первый план выводят культурно-исторические, этнические, а не конфессиональные различия. Православной идее в их историософских построениях отводится важное место, однако она не является единственной

доминантой. Религиозное исповедание – весьма ненадежный индикатор для определения важнейших характеристик этносов, особенностей их взаимоотношений. Ментальности, воспитывающейся с детства, в первую очередь присуща этническая, а не теологическая ориентированность, и это позволяет понять почему люди одного и того же вероисповедания порой безжалостно уничтожают друг друга.

И, тем не менее, значение православия в процессе этнической интеграции России, по утверждениям наших мыслителей, трудно переоценить. Сохранив целостность российского этноса, оно способствовало превращению его в суперэтнос, присоединив к нему «огромное количество инородцев» и иноверцев. Христианская идея актуализировалась в славянской культуре, наполнила ее новым содержанием в том своем аспекте и в тех границах, которые были обозначены славянской ментальностью.

Библиографический список

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та; Изд-во «Глаголь», 1995. 552 с.
2. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М.: «Товарищество Клышников, Комаров и К°», 1992. 320 с.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004. 656 с.
4. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
5. Данилевский Н.Я. Г. Владимир Соловьев о православии и католицизме // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 670-715.
6. Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма. По поводу статьи «Этюды господствующего мировоззрения» // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 625-670.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

Сведения об авторе

Шитихин Павел Павлович
аспирант кафедры философии
Нижегородского государственного
педагогического университета
E-mail: shimot@rambler.ru